

ИСПОВЕДЬ КАПИТАНА ТЕПЛОХОДА "ШОТА РУСТАВЕЛИ"

Об одессите Саше Назаренко я услышал много лет назад, но познакомился с ним под Новый год в веселой компании художников и скульпторов. Мы уже были прилично навеселе, когда он поднял рюмку и сказал:

— Зай гезунд!
Только еврей мог так произнести эти слова, как произнес их Саша. Я поразился.

— *Саша, ты — еврей?*
— Я, парень, чистых украинских кровей. Как говорят, родился и умер в Одессе. Я люблю ее очень. У меня на втором христианском кладбище двадцать восемь родных могил. Такое невозможно забыть...

Александр Назаренко. 65 лет. Бывший капитан флага Черноморского пароходства "Шота Руставели". Украинец. Судим. 11 лет назад вместе с "пятидесятниками" уехал с Родины в США.

— *Как я понимаю, Саша, жизнь у тебя была по первому разряду: круизы, иностранные порты, валюта... С чего бы вдруг покинуть Родину?*

Назаренко долго молчал.
— Во-первых, не вдруг. А вторых... даже не знаю, с чего начать. Ну, хорошо, начну с детства. Себя я помню с самых малых лет. Папа с мамой говорили: "Сашенька, все, что ты слышишь дома, не дай тебе Бог рассказать во дворе".

Мои родители были глубоко верующими людьми, а тут еще голод, холод. Конечно, родители возмущались...

С детства я мечтал о море, знал, что буду моряком. Мальчишкой бегал на Крымско-Кавказский причал. Смотрел на корабли. Закончил я седьмой класс и подал документы в мореходку. Ответа не получил. Через год снова подал. Вызвали меня на мандатную комиссию. Председатель — мордворот такой, из азиатов — задает вопрос:

— Почему ты рвешься в мореходку?
Говорить ему, что каждый одесский мальчишка хочет в море? Бессмысленно.

— Почему, — снова спрашивает он, — твой отец остался в оккупации? Туберкулезом, говоришь, болел? Ему надо было убить себя и семью. Ты никогда не будешь советским моряком.

И они меня не взяли. Пришлось пойти в училище технического флота. А это значило работать на черпалках. Но я стал моряком. И неплохим, назло всем этим б...м. Такое вот детство запало мне в душу на всю жизнь...

Когда, в конце концов, стал я плавать и дорос до капитана одного из самых крупных пассажирских судов на Черном море, то должен был общаться с иностранными пассажирами: французами, итальянцами, австралийцами. И я стал переживать. Мне было обидно за русских, за советских людей. Я понял, что все они опутаны глубокой, злой лужью.

— *Мало ли чем, Саша, нас опутывала советская власть... Это еще не аргумент.*

— А ты, парень, представь. Я — капитан, у которого 350 человек экипажа и 800 пассажиров на борту. Ответственность, сам понимаешь, какая. За жизнь их, за сервис. Ведь это не только валюта, это еще и престиж советского флота. Приходит приказ, я хорошо его помню: "Капитан не имеет права разговаривать с иностранцем, если рядом нет свидетеля из числа членов экипажа", то есть замполита. И вот лоцман, который вынужден вывести мое судно из зарубежного порта, хорошо меня знающий, поднимается на борт и, естественно, идет ко мне в каюту. За пятнадцать минут до отхода. Приветствует:

— Кэптен, хавар ю!

А я, как припоцанный, должен молчать. Инструкция. И я начинаю лихорадочно набирать номер телефона замполита. А его в каюте нет. Ищу других, чтоб с тем лоцманом начать разговор. И когда кто-то ко мне в каюту приходит, я начинаю с лоцманом говорить. А он смотрит на меня, как на идиота, и не понимает, что происходит...

Или еще. По договору с компанией, которая нас фрахтует, я должен присутствовать на прощальном вечере после фрахта. Иду. И обязательно с замполитом. А там, парень, молодая симпатичная женщина. Зовет меня танцевать. Боюсь, но иду. Во время танца она говорит:
— Капитан, я хочу посмотреть вашу каюту.
— Извините, — говорю, — спешу на мостик.

И когда такое повторяется в третий раз, вижу, что на лице дамочки написано: "А ведь ты, капитан, гомосексуалист". Она не понимает, что, если я провожу ее до каюты, завтра меня спишут на берег...

...В молодости у автора этих строк был приятель Володя Хачатуров. Прекрасный журналист, ныне покойный. Володя настолько презирал советскую власть, что из принципиальных соображений работал только в многотиражках. Как-то раз он приобрел туристическую путевку в ГДР и в первый же день в Восточном Берлине, когда группа спустилась поужинать в ресторан, пригласил на танец симпатичную немочку. Когда он вернулся к столу, руководитель группы зашипел:

— Танцевать надо со своими, а не с иностранками.

Володя ответил какой-то грубостью, снова пригласил немку на танец, а потом и вовсе с ней исчез. Пересчитав перед сном туристов по головам и не досчитавшись Володи, руководитель запаниковал. Группа ему говорит: "Не нервничайте, Володя где-то здесь, близко". Но ретивый руководитель, не дождаввшись Хачатурова, под утро позвонил в советское посольство: так, мол, и так, пропал, говорит, турист из группы...

Когда утром Володя появился на завтраке, разразился скандал. Хачатуров послал беспокойного руководителя на три буквы. А уже дома его вызвали в КГБ и сказали, что он уронил достоинство советского человека. На это Володя возразил: "Я поднял это достоинство на недосягаемую для вас высоту..."

В ответ Хачатуров услышал, что за границу он больше не поедет.

— Когда Мишка выпустил свою книгу, — продолжает Назаренко, — ему разрешили выступать в Одессе перед публикой.

— *Саша, какому Мишке запретили приезжать в Одессу?*

— Как — какому? — удивился в свою очередь Назаренко. — Мишке Жванецкому. Его же лишили возможности выступать в Одессе перед публикой. А он — творческий работник — должен общаться со зрителями. И как только началась перестройка, Мишка стал "выездным" в Одессу. Он приехал к нам и дал 10 концертов на стадионе "Черноморец". 40 тысяч одесситов приходили на каждый его концерт. И на каждом концерте он упоминал мое имя. И имя Феликса Дашкова, другого капитана, которого власти тоже морально уничтожили.

— *Причина?*

— Та, что и у меня. Недоверие со стороны родной коммунистической партии, которая меня, в конце концов, и поса-

дила. Я и раньше не молчал, а тут началась перестройка, и я заговорил. И "органы" стали меня доставать. Вы же слушали Мишку?! Он же сквозь слезы смеется. Я ему часто рассказывал, как люди живут за границей. И он мне симпатизировал. А о Володе Высоцком и говорить нечего. Он тоже меня очень любил, но общаться с ним было нелегко. Впускал он к себе в душу только избранных. Не скрою, я был туда вхож. Мне он позволял. Может быть, не совсем до конца. Помню, как-то снимался в Одессе фильм. Высоцкий ходил в форме поручика белой армии. Не помню, как фильм назывался...

— *"Служили два товарища"?*

— Может быть. Я тогда был капитаном "Аджарии", маленького пассажирского теплохода. Каждое лето Володя плавал со мной. И не только он. Жванецкий, Карцев, Ильченко, Винокур... Все они были нищими. А заслужили быть людьми обеспеченными. Я говорил Высоцкому: "Володенька, вот тебе харч. Какой хочешь. С какими хочешь друзьями. Будешь за моим столом. Каюталюкс. Пожалуйста, только один или два раза выступи перед пассажирами". И он, конечно же, выступал. А это престиж судна, престиж пароходства. Его ж любила вся страна. Пока ему не разрешили выезжать

к Марине, он каждое лето отдыхал у меня. Ведь я давал ему возможность по-человечески отдохнуть. Он же не мог платить деньги за билет. Да и достать билеты тогда на теплоход было невозможно...

— *Он пил на судне?*

— Иногда. Но когда с ним была Марина — не пил. Володя был тяжелым человеком. Мрачным. Никогда не был душой компании. Уговорить его спеть тоже было трудно.

— *А как к тебе относилась Марина Влади?*

— Как, как... С виду — нормально. С чисто европейской улыбкой... Это не наша улыбка. Это больше любовь. Французская. Володя много меня расспрашивал о быте и работе моряков, об их элементарных правах.

— *Написал ли он хотя бы одну песню, где сюжетом был твой рассказ?*

— Он посвятил мне даже две песни. В книге Высоцкого "Нерв" есть одна из них.

...Лошадей двадцать тысяч
в машины зажать,
И ревет табуны,
стервеняя внизу...
На глазах от натуги
худеют канаты,
На причал из себя
выжимая слезу.

Вторая песня:
Был шторм,
канаты рвали кожу с рук,

и якорная цепь
визжала чертом,
пел песню ветер дьявола,
и вдруг
раздался голос:
человек за бортом...

Сюжетом для этих песен стали мои устные рассказы, которые Высоцкий внимательно слушал. Мне повезло: я наблюдал, как он работал над своими песнями. Писал он тяжело. Черновики было много. Однажды мне захотелось взять один из них себе на память. Он даже испугался.

— Не бери! — кричит. — Вот тебе оригинал.

Чтобы написать несколько строк, он мог просидеть с гитарой до утра. Текст в начале работы и близко не напоминал песню. Небо и земля...

— *Одесситы, которые тебя знают и помнят, мало знают о том, что произошло с тобой в середине и в конце 80-х годов. Знают только, что у тебя были неприятности.*

— Это точно. Когда КГБ стал закручивать гайки, министр Луженко, он меня очень любил, предложил переехать на Дальний Восток. "Поезжай, говорит, Александр Николаевич, на Камчатку. Там есть три наших судна. Там и пересидишь это время". Переехал я переискивать. И сел. Ведь я и там не молчал. Говорил и о гибели "Нахимова". На нем было 12 человек

УКРАЇНСЬКА МОВА — РУССКИЙ ЯЗЫК

Размышления художника

моего экипажа. И мне было все известно. "Нахимов" опоздал в рейс на 15 минут. А это всегда опасно. Капитан ждал, когда прибудет важный пассажир — начальник КГБ Одесской области. А его самолет задерживался. Если бы не это, корабли бы разошлись и не столкнулись.

Как, говоришь, им удалось меня посадить? Подсылают ко мне как-то одного парня. Было это на Камчатке в 1987 году. И он мне заливаает, что окончил в Одессе мореходку технического флота. "Там, — говорит, — в училище ваш портрет висит. Все вас там любят и уважают. Меня, — говорит, — за границу не пускают. Отец был в оккупации". Короче, расположил он меня, и взял я его к себе на корабль. Однажды он приходит и просит краску: "Я только приехал, даже двери нечем покрасить". Дал ему килограммов 12 краски, а может, меньше. Через пять минут они пришли и меня забрали. Три месяца просидел в тюрьме. Приговор: "За хищение государственной собственности". Но тут, на мое счастье, Горбачев объявил амнистию. Уже не помню, к какому празднику. Помню, что я все время задавал комитетчикам вопрос: "За что же вы меня, ребята, посадили?". И допрашивался. Как-то в Петропавловске-Камчатском, на улице Советской, около меня останавливается машина, выходят два парня и говорят: "Садись". Спрашиваю: "Что случилось?". "Садись, — говорят, — поедем".

Приезжаем в четырехэтажный дом. Оказалось — психиатрическая больница. У всех дверей ручки есть только снаружи, а внутри их нет. Диагноз — психопат. Фамилию врача я где-то записал. "Вы, — говорит, — больной". "С чего вы это?" — спрашиваю. "Вы, — говорит, — недовольны советской властью. Миллионы людей счастливы, а вы — нет. А это уже ненормально, болезнь это". Стали мне делать уколы, таблетки давать. Благодарен я этому врачу по гроб жизни. Спасло меня то, что в Союз приехал Рейган и потребовал от Горбачева, чтобы всех недовольных не считали психами и всех из "психушек" выпустили. "Иначе, — говорит Рейган, — я вам хлеба не дам. И валюты".

Меня выпустили, и я приехал в Одессу. До Камчатки у меня на судне плавал один парень. Был он "пятидесятником". Часто рассказывал мне о Боге, о христианстве. Встретил я его в Одессе уже после "психушки", и он меня увез в Таллинн. Там свел с местными верующими. Они оказались сильно религиозными и упрямыми. Железные люди. Стали водить меня в церковь. Но я к Богу так и не прикипел. Но они были снисходительны ко мне. Я с ними открыл в Пирита, на таллинском пляже, кафе, где каждый верующий мог бесплатно поесть. Музыка была только церковная, кресты и прочее. К этому времени все мои "пятидесятники" получили разрешение на выезд. Как-то раз повели они меня в ОВИР и говорят начальнику:

— Нас 120 семей. У нас есть разрешение на выезд, но если вы не выпустите нашего брата Сашу, мы никуда не поедем, будем рассказывать о нем и молиться на всех площадях Таллинна.

Это было время, когда кагэбешники уже такого боялись. Так я с женой и дочкой выехал вместе со своими "пятидесятниками". Попали мы с женой во Флориду, в Джексонвилл. С начала 90-х плаваю. Раньше — под багамским флагом, помощником капита-

на. Сейчас плаваю старшим матросом на американском судне. А до этого был продавцом, "Тойотами" торговал. Всякое бывало. Теперь уже все в порядке.

— *А что делает старший матрос?*

— В основном находится на навигационном мостике.

— *А как дочка?*

— Ане 17 лет. Она прекрасно учится. За это я купил ей лошадь. За обслуживание лошади плачу ежемесячно 400 долларов. Аннета занимает первые места в выездке и соревнованиях с препятствиями.

— *Прекрасно! А какие отношения у тебя, Саша, с Богом? Ведь ты ходил в Таллинне в церковь.*

— Своих "пятидесятников" я потерял. Все они уехали в Сизэл. Но с Богом отношения хорошие. Живу по совести, ничего плохого себе не позволяю. Стараюсь быть честным и порядочным человеком. Скажу тебе правду. В церковь не хожу, да и нет в Джексонвилле православного прихода. Поэтому и разговариваю с Богом мысленно, но зато часто. А американские церквы... Не нравятся мне там разговоры. Все кончается словами: "Дайте еще денег". А я не могу совмещать одно с другим. Но это так, между прочим...

Ты спрашиваешь, скачаю ли я? Это не то слово. По Одессе скачаю страшно. Уже был там. Встречался с друзьями. Они смотрели на меня и крестились: "Мы, — говорят, — Саша, давно тебя похоронили".

Налаживаю понемножечку бизнес через своих бывших моряков. А многих уже нет в живых. Мне рассказывали, что капитан-наставник, ныне покойный, про меня статью как-то написал: мол, загубили, гады, капитана... Но я выжил.

На днях меня допустили до экзаменов на лиценз капитана. Даст Бог, сдам, получу корабль, погуляем...

А по Одессе все же скачаю...

"Дорогому капитану Назаренко А. Н. и его экипажу, и судну его посвящаю".

НА ОТХОД И ПРИХОД

*"Все свободны!"
Конец всем вопросам.
"Кроме важных —
всем отдыхать!"
Но пустуют каюты,
матросам*

*К ТОЙ СВОБОДЕ
ЕЩЕ ПРИВЫКАТЬ.*

*КАПИТАН,
ЧУТЬ УЛЫБАЯСЬ,
ДУМАЛ: "ВЕРНО!
МОЛОДЦЫ!*

*ОТ ЗЕМЛИ
ОСВОБОЖДАЯСЬ,
НЕЛЕГКО
РУБИТЬ "КОНЦЫ".*

В. Высоцкий

Написал эту песню поэт в 1971 году на бланке Черноморского пароходства. Под песней Высоцкий нарисовал море и берег. На берегу — небоскребы "Эмпайр стейт билдинг". Нагадал бард Сашке Америку.

Между прочим, сегодня нет уже Саши Назаренко. Есть гражданин США Александр Н. Николсон.

— Это чтобы проблем было меньше. Николсон в переводе с английского — сын Николая. Ведь я — Николаевич...

Многие лета тебе, капитан, моряк, человек Александр Николсон!

Быть посему!
Аминь!

Александр МАЛИЕВСКИЙ.

"Що маємо — те маємо" — на эту аксиому с удовольствием ссылаются видные украинские политики, как бы призывая рядовых сограждан смириться с существующей реальностью. Но ведь наша двомовность, двуязычие, с которым сроднилось не одно поколение, — тоже реальность. Есть ли необходимость отказываться от этого факта действительности, от этой реальности? Не станем ли мы свидетелями очередной ошибки, очередной потери в государственном масштабе?

Политиков, которые хотели бы законодательным путем искоренить русский язык из земли украинской, можно называть, с одной стороны, патриотами. Ведь они обещают освободить грядущие поколения от ненужных знаний, от изучения постороннего, т. е. русского языка, к тому же сэкономят значительные средства, необходимые для переиздания учебников, для оплаты труда преподавателей русского языка и литературы. Но, с другой стороны, таких "благодетелей" можно назвать и лжепатриотами, лукавыми мудрецами, потому что они отрицают очевидную истину: свободное владение двумя языками есть преимущество, бесценный багаж, передающийся от поколения к поколению, и, наконец, — жизненный шанс.

Кстати говоря, этим шансом воспользовались буквально все корифеи нынешней политической сцены Украины. Знание двух языков, украинского и русского, не помешало им получить образование в престижных вузах, в том числе российских, и занять заветное место на политическом Олимпе. Отсюда, с вершины родного Олимпа, ортодоксальные теоретики во всеулышание трактуют присутствие русского языка в Украине, как ущемление национального достоинства украинцев. Думается, такую точку зрения пропагандируют те, для кого русский язык — альтернатива украинскому языку, кто считает несовместимыми две родственные культуры — украинскую и русскую, кто хочет отучить наших детей читать в оригинале творения Пушкина, Лермонтова, Толстого, Чехова...

Нередко можно слышать "каверзный" вопрос: по какому праву русский язык прижился в Украине, стал в некоторых регионах практически вторым родным языком? На этот вопрос есть простой ответ: русский и украинский языки — родом из одних и тех же мест, колыбельной песней для наших народов был древнерусский язык, давноруська мова. Какой национальности был автор "Слова о полку Игореве" — русский или украинец? На эту тему ведут нескончаемый спор ученые, литературоведы Украины и России.

По разному сложились судьбы наших языков на пути к самосовершенствованию и самоутверждению. Безусловно, доля украинского языка — более драматична, несмотря на то, что он никогда не покидал родные места. Русский же язык, распространившись далеко на Север, оставил часть своей души здесь, в Украине, жил и развивался рядом с украинским языком.

Если оглянуться назад, в сравнительно недалеком прошлом, когда Украина входила в состав царской России, нельзя не согласиться с тем, что знание русского языка было условием выживания для многих народов, населявших огромную Российскую империю.

Советская империя, наследница Российской, не могла обойтись без русского языка. Начиная со времен ликбеза, два языка — национальный и русский — изучали на всех территориях бывшего СССР, за исключением России. Таким образом, россияне остались "одноязычными", наверное, потому, что даже из пролетарской солидарности не могли выучить четырнадцать языков братских республик, и мы, которым в наследство досталось знание двух языков, можем им посочувствовать. Больше того, мы можем наказывать своих гордых соседей, забыть их язык и вынудить их общаться с нами при помощи словарей и переводчиков. Правда, и мы не обойдемся без этих же атрибутов. Вряд ли такая перспектива пойдет на пользу нашим деловым, культурным и личным связям.

Размышляя на тему взаимоотношений наших народов и, соответственно, двух языков, нельзя не вспомнить о тех обидях, которые выпали на долю украинской мови, родной сестры русского языка. Было время, когда ей, подобно Золушке, не было позволено появляться на людях, когда в родном доме ее оскорбляли и унижали, называли мужицким языком, диалектом, карикатурой на русский язык. В те годы, когда, казалось, нельзя было не услышать голос выдающегося украинского поэта, философа, просветителя Григория Сковороды, когда Иваном Котляревским были созданы шедевры "Наталка-Полтавка", "Энеида", впитавшие в себя всю соль украинской земли, когда в расцвете был гений Шевченко, — лишь немногие в России, в Украине понимали украинский язык.

Не потому ли "Тарас Бульба" — былинная повесть о героизме украинского народа, "Вечера на хуторе близ Диканьки" — яркие сцены из жизни украинцев, были обращены к русскоязычному читателю, что принесло им огромную популярность сразу же после выхода в свет. Гоголь — великий русский писатель, уроженец Полтавщины, русским языком пригласил читателя в край, который не спутаешь ни с каким другим местом на земле. Здесь все украинское: и природа, и персонажи, и быт, и комические ситуации, и жуткие истории, и наивная вера в чудеса, и чертовщина, которая исчезает с первыми лучами солнца. "Знаете ли вы украинскую ночь?...", "Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит сквозь леса и горы полные воды свои..." — эти русские слова восхищения украинской природой также искренни и прекрасны, как раскатистые шевченковские: "Рева та стогне Дніпр широкий..." — или убаюкивающие строчки того же Кобзаря: "Тихесенько вітер віє, степи, лани мріють...",

"Садок вишневи коло хати, хрущі над вишнями гудуть...", "І досі сниться: під горою, меж вербами та над водою, біленька хаточка...".

В наше время, когда Украина стала независимым государством, на вопрос: быть или не быть украинскому языку? — есть только один ответ: быть, служить надежным хранителем народной мудрости, радовать богатством красок и проявлений — в устной речи, литературе, песенном творчестве... По многим признакам украинская культура вступает в пору своего расцвета. Воскрешены, казалось бы, навсегда вычеркнутые из жизни произведения украинских писателей; на поэтическом небосклоне Украины заблестели имена выдающихся современных поэтов: это и Лина Костенко, и Винграновский, и Рымарук, и Драч, и многие другие; по национальному радио и телевидению мы слышим красивую, грамотную украинскую речь, звучат песни всенародно признанных авторов и исполнителей: Нины Матвиенко, Назария Яремчука, Тараса Петриненко, Василя Зинкевича, Валентины Степовой и др. Вдохновляющую перспективу открывают роскошные детские книги, выпускаемые в свет издательством "А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА" под редакцией Ивана Малковича. Вот одна из этих книг — "Улюблені вірші" — изысканный подбор стихотворений для детей, великолепные иллюстрации. Книгу сопровождает кассета, озвученная трогательными голосами талантливых украинских детей.

На вопрос: быть или не быть русскому в Украине? — есть три ответа: первый — быть тщательно, требовательно изучаемым, с первых классов в школе, наряду с украинским языком; второй ответ на непростой вопрос — изучать русский язык и литературу в разделе зарубежного языка и литературы; и, наконец, третий ответ — вообще исключить русский язык из школьных программ — пусть доживает свой век в Украине в виде полуграмотной разговорной речи, русско-украинского диалекта в стиле популярной Верки Сердючки.

Не о таком языке идет речь в известном стихотворении Ивана Сергеевича Тургенева, посвященном русскому языку: "Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей Родины — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! ... Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!".

Как известно, Тургенев был полиглотом: свободно общался с французами на французском, с итальянцами на итальянском, с немцами на немецком языке. Но, если бы Иван Сергеевич владел украинским языком, если бы мог в оригинале прочесть "Энеиду" Котляревского, творения Тараса Шевченко, возможно, из-под его пера родились бы подобные строчки: "У дні сумнівів, у дні тяжких роздумів про долю моєї Батьківщини — ви обидві мені підтримка і опора, мої рідні, такі схожі, такі різні, такі ширі і величні — українська і російська мови (або навіть: російська та українська мови). Але не можна врити, щоб такі мови не були надані великим народам!".

Те, кто с детских лет изучал русский и украинский языки, украинскую и русскую литературы, хотя бы в рамках хрестоматийной классики, кто может судить о нюансах в сходстве и различии наших языков, не может не признать: украинский и русский языки — близкие родственники, родные, но не близнецы, рідні, але не близнюки.

В Украине, где все население в большей или меньшей степени владеет двумя языками, изучение их не представляет особой трудности для детей. У нас разработана и широко практикуется методика подготовки педагогов, которые блестяще владеют обоими языками.

Иначе дело обстоит в России, где обучение украинскому языку нужно начинать с нуля. Здесь не обойтись без кропотливой работы диаспоры, без пожертвований богатейших соотечественников, которые объявляют себя патриотами. Неплохо было бы взять пример с еврейских общин, которые всем миром, в буквальном смысле этого слова, открыли еврейские школы во многих точках земного шара, в том числе и в Украине. В этих школах, в частности, у нас, в Одессе, дети обязаны изучать четыре языка, как минимум: украинский, русский, еврейский, английский.

Вернувшись к основной теме — украинська мова и русский язык, представим себе, что мы полностью отлучили наших детей от русского языка. Кто при этом пострадает: наши дети или русский язык? Безусловно — наши дети станут вдвое беднее. Русский же язык не пострадает, не прекратит свое существование. Свое бессмертие он обрел в творениях Толстого, Достоевского, Чехова, Пушкина, Гоголя, Тютчева, Некрасова, Блока, Ахматовой...

Сегодня можно слышать раздраженные голоса: мы, жители Украины, не обязаны знать русский язык, потому что в России не изучают наш, украинский. На это можно ответить: Бог с ними, россиянами! Возможно, они, действительно, не могут одолеть наш язык, и это, как говорится, их российские проблемы. Наша же проблема состоит в ином — сохранить традиции овладения двумя родственными языками. Пусть каждый из них, украинский и русский, в полную силу трудится на благо независимой Украинской державы, как и подобает языкам государственной важности.

Что касается полюбившегося афоризма: "Що маємо — те маємо" — то, произнося его, мы не станем вздыхать и разводить руками. Мы сможем заменить его другим, сходным по звучанию, но имеющим другой, оптимистический смысл: "Що маємо — те не втрачаємо".

Тамара ШЕЛЮТО-ЛИТВИНЕНКО.

(Из газеты "Одесса-на-Гудзоне" (Нью-Йорк), 04.26.2002.)